

Некоторые сюжеты votивных медных фигурок
гороховской культуры:
контакты с сарматским миром

Сергей А. Яценко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sergey_yatsenko@mail.ru*

Аннотация. Рассмотрена серия медных фигурок «сапоговского типа» из votивных наборов в святилищах на севере Челябинской обл. (Сапогова, Карино и др.). Сегодня их относят к концу существования гороховской культуры, элита которой происходила из кочевых сарматов. Нет оснований видеть в них «иллюстрацию структуры общества», как принято думать. Многие их особенности имеют ритуальный характер или не относятся к людям. Схематичная фигурка летящей птицы у левого плеча (рис. 2 В; 3, 2) имеет параллель на мужских атрибутах сарматов (Янчокрак) и связана с высоким статусом персонажа. В иранском мире есть аналоги и двум птицам у плеч божества в иткульской культуре (рис. 4, 1). Слабо аргументирована А.Д. Таировым связь одиночной птицы на левом плече с погребальными традициями угров. Подчеркивается сходство иконографии со статуями святилищ Устюрта. Фигурки воинов с согнутыми в коленях ногами (рис. 2, А, Г, Е, 3) имеют позы двух вариантов. Это, вероятно, позы танцев, посвященных богу войны (как у кафиров Гиндукуша)

Ключевые слова: антропоморфные votивные медные фигурки, сапоговский тип, лесостепное Зауралье, II–I вв. до н. э., сарматские элементы

Для цитирования: Яценко С.А. Некоторые сюжеты votивных медных фигурок гороховской культуры: связи с сарматским миром // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 4. С. 202–217. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-202-217

Some subjects of the votive copper figurines
of Gorokhovo culture:
Connections with Sarmatian world

Sergey A. Yatsenko

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, sergey_yatsenko@mail.ru

Abstract. A series of copper figures of the “Sapogova type” from votive sets in sanctuaries in the north of the Chelyabinsk Region (Sapogova, Karino etc.) is considered. Today they are attributed to the end of the existence of the Gorokhovo Culture, the elite of which originated from nomadic Sarmatians. There is no reason to see them as an “illustration of the structure of society”, as is commonly thought. Many of their features are ritualistic or do not relate to humans. The schematic figure of a flying bird on the left shoulder (Figs. 2B; 3, 2) has a parallel on the male attributes of the Sarmatians (Yanchokrak) and is associated with the character’s high status. In the Iranian World there are analogues of two birds at the shoulders of the deity in the Itkul Culture (Fig. 4, 1). A.D. A.D. Tairov’s connection of a solitary bird on the left shoulder with the burial traditions of the Ugrians is weakly argued. The author emphasizes the similarity of the iconography to the statues in the Ustyurt sanctuaries. The figures of warriors with their knees bent (Fig. 2, A, Г, E, 3) have two different poses. Those are probably the poses of dances dedicated to the god of war (like the Kafirs of the Hindukush).

Keywords: anthropomorphic votive copper figurines, Sapogova type, Forest-Steppe Trans-Urals, 2nd-1st cc. BC, Sarmatian elements

For citation: Yatsenko, S.A. (2025), “Some subjects of the votive copper figurines of Gorokhovo culture: Connections with Sarmatian world”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 202–217, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-202-217

Речь пойдет о двух ярких жертвенных комплексах медных литых плоских фигурок, найденных комплектами в лесостепном Южном Зауралье у северной границы Челябинской области, на месте древних святилищ, хотя единичные находки аналогичных так называемых антропоморфов Сапоговского типа (по А.Д. Таирову) известны еще в нескольких пунктах поблизости (в тех же бассейнах речек Синара и Карболка, в частности у пос. Элеватор) (см. карту: [Таиров, Шапиро 2024, рис. 1]). Увы, все рассматриваемые культовые наборы дошли до нас не полностью из-за случайных обстоятельств находки, потери или присвоения находчиками. Их

находили случайно местные жители. Такие комплекты приносились в жертву духам¹. Судя по данным, собранным А.Д. Таировым, культовые места с фигурками находились у берега небольших рек у западной границы гороховской культуры. Уточнение ранее спорной этнокультурной принадлежности «кладов» как гороховских принадлежит именно ему. Исходя из выборочных анализов металла и их результатов, представленных Л.Б. Знаменским, эти фигурки отливались из практически чистой самородной уральской меди на костре, при довольно низкой температуре, на основе деревянной модели, в разъемных формах [Таиров, Шапиро 2024, с. 341, 343]. По наблюдению Р.С. Минасяна над комплектом из дерева Сапогова, этим деревом была ель [Зуев 1993, с. 97]. Общество гороховской культуры сегодня представляется двухсоставным. Рядовые его члены были финно-уграми, а элита, видимо, состояла из ираноязычных выходцев из кочевой среды – степных уральских сарматов и родственных им народов [Матвеева 1998, с. 30, 32, 38]. Для самой обширной по территории группы населения Евразии раннего железного века – иранцев и индо-иранцев – это не было редкостью. Не случайно скифские и особенно сарматские языковые заимствования у финно-угров включают, прежде всего, термины, связанные с элитарными группами, вооружением, транспортными артериями и средствами, с названиями пушных зверей (которыми платили дань и торговали) [Абаев 1981, с. 87–88; Яценко 2001, с. 106]. Важен и заимствованный у сарматов образ любимейшего у хантов бога Мир-сусне-хума на крылатом белом коне (ср. [Гопоров 1975]²) (именно так в алано-осетинской традиции и сегодня представляется Уастырджи – прежний Митра).

Что касается хронологии этих случайных находок и датировки реальных на культовых изделиях, то ныне исследователи подходят к вопросу с большой осторожностью, датируя их в пределах 5 веков (!) («вторая половина I тысячелетия до н. э.» по А.Д. Таирову). Сарматологи (В.Ю. Зуев и автор этих строк) в раннее постсоветское время были склонны более конкретно относить главный памятник этого типа – Сапоговский клад – по его реалиям к «ранним сарматам» II–I вв. до н. э. Дело в том, что иконографические аналогии деталям сапоговских «идольчиков» у сарматских обитателей более южного плато Устурт В.С. Ольховский датировал III–I вв. до н. э.;

¹ Я благодарен коллегам, которые в разные годы (начиная с 1992 г.) помогли по этой теме в знакомстве с рядом памятников и частью литературы по теме: В.Ю. Зуеву, А.Д. Таирову, К.Ю. Рахно и К.Г. Маргарян.

² *Лукина Н.В.* Мифы, предания, сказки хантов и манси. М.: Наука, 1990. С. 434–435.

однако достоверных раннесарматских памятников III в. до н. э. на Южном Урале почти нет. Они реально распространились после середины II в. до н. э., во время массовых миграций кочевников на обширной территории Центральной Азии³, и появления их групп в европейской Степи. Если это так, то фигурки были сделаны в самом конце существования «гороховской» общности, и это тоже важно.

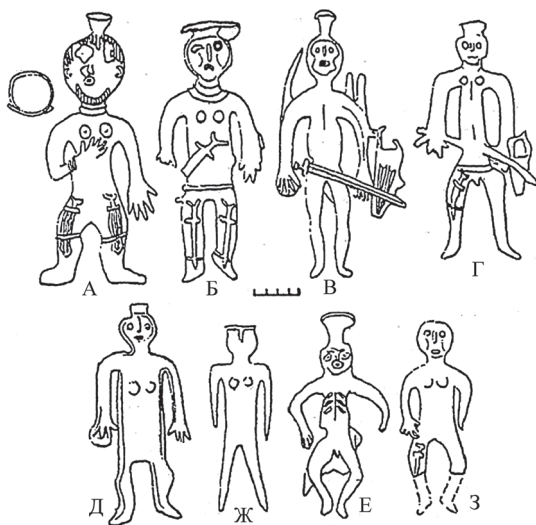

Рис. 1. Основные типы ритуального комплекта фигурок из клада у деревни Сапогова (основа и нумерация типов: [Зуев 1993, рис. 1-2])

В своих недавних публикациях А.Д. Таиров, как и ряд других уральских коллег, акцентирует внимание именно на местной

³ Относительно раннесарматской культуры на Южном Урале у исследователей имеется два разных подхода. Одни коллеги, опираясь на изначальную классификацию П.Д. Рау и Б.Н. Гракова первой половины XX в., полагают, что раннесарматская культура существовала в IV–I вв. до н. э., происходя отчасти от предшествовавшей «савроматской» (по Геродоту, однако, савроматы обитали недалеко за Доном, а у Южного Урала жили исседоны). Другие считают местную культуру до середины II в. до н. э. еще не раннесарматской, а скифоидной более раннего облика, и акцентируют у «ранних сарматов» II–I вв. до н. э. многочисленные более восточные, центральноазиатские элементы.

и конкретно – «гороховской» культурной принадлежности этих памятников. Его позицию нетрудно понять: ведь другие исследователи памятников «Сапоговского типа» писали о кочевых скифоидных исседонах, ранних сарматах, или же о местной (отчасти предшествовавшей гороховской) иткульской культуре (тоже лесостепной и имевшей степной компонент). За этими усилиями, однако, невольно отступает на задний план иранский (сарматский) культурный пласт этих сложных по облику памятников в контактной зоне Лесостепи при том, что иранский облик элиты «гороховцев» (которая и заказывала подобные комплекты) А.Д. Таировым не оспаривается. После моих публикаций по Сапоговскому кладу [Яценко 2000, с. 260, рис. 3, 1-4; Яценко 2001] прошла уже четверть века. Попробуем разобраться: как выглядят моя и В.Ю. Зуева интерпретации сегодня, можно ли их скорректировать или дополнить в плане соотношения здесь раннесарматского и древнеугорского компонентов.

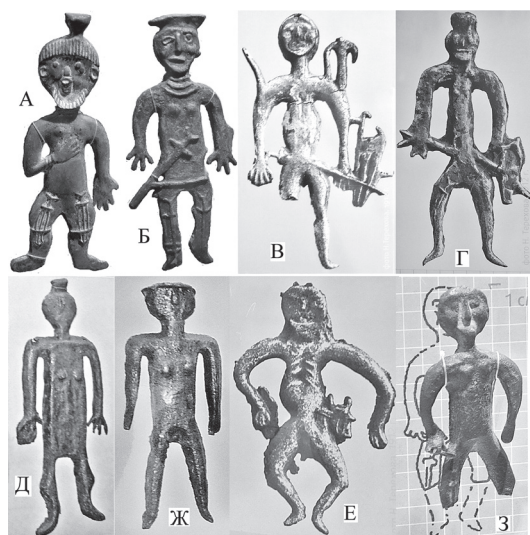

Рис. 2. Основные типажы ритуального комплекта фигурок из клада у деревни Сапогова (фото автора)

Фигурки Сапоговского клада разделены В.Ю. Зуевым на типы (к каждому относились 2–3 фигурки), нумерация которых нами сохранена (рис. 1–2), но исследователь этим не ограничился. Ему представляется, что заказчик хотел явственно отразить в

комплекте из Сапоговой структуру современного ему общества. Так, он полагает, что фигурки, наиболее детализированные и с миниатюрными дополнительными гривнами из золота (типа А), были «царьками, князьями», тип В являл собой «верховного жреца», тип В – «военачальника», тип Г – всадников, «профессиональных воинов – дружинников или богатырей», типы Д и Ж – их жен, тип Е – «отошедших от дел стариков», тип З – «простых воинов» [Зуев 1993, с. 98–99, 101]. Эту «социо-структурную» трактовку изобразительной программы Сапоговского клада поддержали и другие коллеги: «представители его (общества ранних сарматов. – С. Я.) иерархической структуры»⁴; «представители различных слоев общества» [Таиров, Шапиро 2024, с. 341]. Она идет, в конечном счете, от К.В. Сальникова, предположившего в Сапоговском кладе серию реалистических и достоверных портретов воинов-предков [Сальников 1949, с. 70–71].

Однако, судя по тому, что мы знаем о религии как древних угров, так и иранских народов, такие сложносоставные «выставки» социальной структуры (тем более – в культовых центрах в продуманных комплектах вотивных предметов) там не известны. У обских угров в святилищах отдельных селений, посвященных их покровителю (tongkh) – древнему герою-богатырю встречались композиции из групп фигур иноплеменных врагов, а также их жен, побежденных и убитых им [Гемуев и др. 1989, с. 7]; однако это явно не наш случай. Более важно, что такого обожеествленного богатыря изображали подчас с отдельно надетой гривной, как фигурки группы А, в окружении вооруженных братьев и дружинников [Иванов 1970, с. 43–44]. В фольклоре обычен и сюжет *с тремя девушками-сестрами*, живущими в одной крепости с богатырями (ср. троичность женских фигурок групп Д и Ж). Парность фигурок с наибольшим количеством признаков высокого статуса (группы А, Б, В) может быть связана с известной для мужских божеств обских угров парностью и однотипностью облика изображений отца (Мир-суснехума, Таапал-ойка) и сына [Яценко 2001, с. 110]. Важно также, что все мужские фигурки здесь вооружены и оружием сарматского облика: от единичных лука в налучье (тип Е) и кинжала (тип З) до 2 кинжалов (тип А), 3 экземпляров клинкового оружия (тип Б), набора из меча, кинжала и лука в налучье (типы В?, Г).

Обратимся к нескольким деталям облика персонажей кладов у деревни Сапогова 1900 г., находок у села Карино 2014 г. и их атри-

⁴ Пименов А.Б. Культовые бронзы зауральских металлургов раннего железного века. Иткульская археологическая культура: каталог. Екатеринбург: Издательские решения, 2019. С. 418.

бутам. Называть их «идольчиками» вряд ли будет корректно, так как их не столько почитали, сколько они сами предназначались, как вотивы, в нескольких отлитых экземплярах каждого типа, каждый раз для одноразового жертвоприношения духам. Соответственно, фигурки отлиты весьма небрежно и не подправлены после отливки на костре; с них не были затем удалены лишние выплески металла – литники, а важные детали подчас не залиты до конца медью и т. п. Такие результаты литья. Такие результаты для мастера и заказчика не были важны.

Рис. 3. Фигурки у с. Карино и детали одной из них
(фото О.Г. Ивановой, 2014 г.)

Немалое внимание в недавней статье А.Д. Таирова и А.Д. Шапиро уделено одной любопытной детали изображения персонажей группы В в Сапоговой, где на левом плече воина на отливке (некачественно выполненной и оттого неполной по заполнению металлом формы) видна неясная малая фигура (рис. 2, В). Еще В.Я. Толмачев в 1913 г. предположил, что речь идет о характерном для древнего населения края изображении *идола в виде взлетающей птицы*. Эту версию затем развил А.Б. Пименов, отметивший, что на предшествовавшей (?) сапоговской фигурке иткульской культуры из окрестностей г. Полевской Свердловской области изображены две подобных фигурки птиц («птицевидных идола»)

на плечах⁵ (рис. 4, 1). Наблюдение ценное, кроме одной детали: на этом изображении иткульской культуры фигурки птиц находятся не на плечах (на них они представлены на фигурках из Карино (рис. 3, 2-2а)), а либо на локте, либо держатся в руке. Популярны в лесостепном Зауралье раннего железного века фигурки птиц в характерной (с изогнутыми дугой крыльями) позе и с разными деталями (в данном регионе также и с человеческими лицами и крыльями, подобными рукам (рис. 4, 2)) широко распространены в это время (рис. 4, 3) и во многих других частях Евразии, в том числе – в наскальном искусстве Центральной Азии. Однако в гороховской культуре фигурки птиц размещены иначе, чем в иткульской. Так, в Карино у мужчины единственная птица наклонена под углом с левого плеча (на втором плече – длинный и ровный литник полоской). Почти такую же картину видим в Сапоговой (рис. 2, В), но здесь птичья фигурка не наклонена, а размещена вертикально. Она также отчасти антропоморфизирована: изогнутые крылья почти превратились в вытянутые руки, а на теле выделен «пупок» (рис. 3, 2а). На второй фигурке в Карино есть лишь растущие из плеч два довольно толстых и коротких выступа, изображающих нечто другое (рис. 3, 1)⁶. Проще говоря, на обоих «гороховских» антропоморфных фигурках *одна птица сидит на левом плече*, тогда как на близких иткульских – две птицы на обоих плечах. В чем смысл этой разницы? Думается – *в переосмыслении* разного исходного материала, причем – *исходя из сарматских традиций*. Именно у «ранних сарматов» известны изображения, где либо две птицы садятся на плечи богини⁷, как в Полевском, либо одна птица как раз садится на левое плечо варваризованной и переосмысленной фигуры «Аполлона» (фалары упряжи из Янчокрака в Центральной Украине) [Яценко 2000, рис. 1, 1, 3]. У сарматов-степняков такой птицей мог быть орел, который часто изображался в искусстве разных их группировок. Интересна в этом плане находка к югу от зауральской Лесостепи – в южноуральской и прикаспийской Степи. Так, в кургане 2 Аралтобе на р. Эмба в могиле пожилого кочевого

⁵ Пименов А.Б. Указ. соч. С. 76, 359, 413

⁶ Возможно, это части заткнутых сзади за спиной предметов клинкового оружия.

⁷ В X мандале древнейшей Ригvedы упоминается богиня-дева, на плечи которой садятся птицы. В искусстве сарматов образы хищных птиц появлялись чаще всего в контексте сюжетов с женскими персонажами. Там они связаны с изображением Мирового древа и богиней, известной позже (в алано-осетинской традиции) как «дочь Солнца» Ацирухе [Яценко 2022, рис. 2, 1, 3-4; 3, 4-5].

аристократа, в ее заполнении был помещен скелет самого крупного из орлов – беркута (*Aquila chrysaetos*) со специально расправленными крыльями [Самашев и др. 2007, с. 172–163, 176] наподобие того, как они изображались мастерами Зауралья. Возможно также, что это – один из аналогов размещения птицы на голове/у головы (при литье фигурок металл заливался в формы именно через место будущей головы, и здесь образовывались довольно крупные выплески металла – литники и т. п.). У иранских народов были популярны представления о том, что садящаяся на человека птица делала его правителем, давая ему небесную благодать – фарн (см., например, [Горячев и др. 2016, с. 640–641]). При этом маловероятным кажется вариант, когда в Полевском могли бы изображаться не «птицеобразные идолы», а вполне реальные ловчие птицы, известные с ранней древности у индоевропейцев (хетты и др.). Кроме прочего, такие изображения обычно связаны с образом всадника⁸.

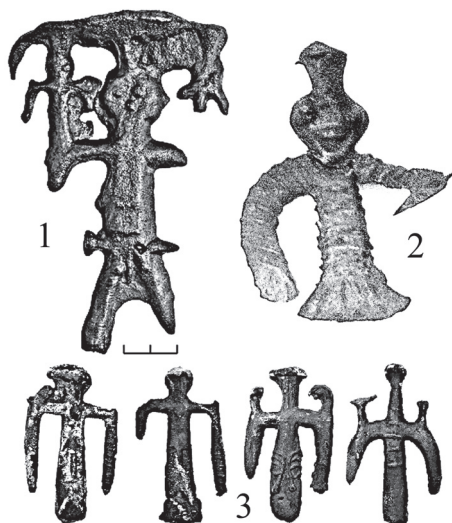

Рис. 4. Птицевидные персонажи на фигурках иткульской культуры:

1 – у г. Полевской [Таиров, Шапиро 2024, рис. 4, 2];

2 – святилище на оз. Сайгерлы (фото автора);

3 – деревня Аминова [Любчанский, Юрин 2018, рис. 1]

⁸ Охота с орлом-беркутом в Центральной Азии отчасти являлась наследием скифо-сакского мира и имела, как известно, свою мифологию; здесь было распространено убеждение, что некоторые из таких птиц (называемые *maj šegir*) всегда охотятся успешно (то есть имеют «фарн»).

В статье А.Д. Таирова и А.Д. Шапиро предлагалось другое объяснение таких образов хищной птицы на плече из недавних угорских традиций. На первый взгляд, оно весьма конструктивно: речь идет о чудесной птице «вурсик», которая татуировалась на плече пожилых мужчин и женщин хантов и манси во время серьезной болезни и перед смертью, так как она была воплощением одной из душ человека и проводников в мир мертвых. Татуировка связывала птицу-душу, чтобы она не покидала тело [Таиров, Шапиро 2024, с. 341–342]. Однако этот пример не кажется мне удачным. Во-первых, у нас нет никаких причин думать, что святилища, куда «гороховцы» приносили комплекты фигурок, связаны именно с миром (недавно) умерших, с кладбищами и т. п. Во-вторых, речь идет о традиции не объемных изображений, а плоскостных, причем таких специфических, как ситуативные татуировки больных и умирающих. В-третьих, почему в таком случае фигурка «птицы-души» изображалась в «сапоговской группе» только у вооруженных мужчин, причем лишь у стоящих с особым образом расставленных ногами (видимо – для танца: см. ниже)? В-четвертых, есть серьезные сомнения в том, что здесь вообще изображены именно люди. Как раз у персонажа с птицей на плече из Карино – три пальца на ногах, как у многих птиц (рис. 3, 2b).

Впрочем, в целом в комплектах, изображающих, якобы, «представителей различных слоев общества», *немало других странных деталей*. Почему у персонажей групп Б, Г, Д, З в Сапоговой – четыре пальца на руках (при этом в группах А и В их нормальное количество). Зачем «человечков» обоих полов изобразили явно голыми при обилии у многих из них разных аксессуаров? Почему у половины типов (Б, Г, Д, З) растопыренные пальцы, а у другой половины они в «нормальном» положении? Зачем некоторым из них (тип Б) сразу три экземпляра серьезного клинкового оружия? Что означает «подмигивание» правым глазом персонажей той же группы Б (которых В.Ю. Зуев назвал «верховным жрецом»)? Почему мечи и единичные кинжалы у изображенных представлены

Владелец такой птицы будет во всем удачлив (в приплоде скота, в обилии здоровых детей и т. п.), а его семья будет стабильно здорова, и при жизни беркута в ней никто не умрет и т. п. Такая птица отличалась от обычных цветом глаз и перьев, особенностями поведения. Подобного беркута хоронили как человека, заворачивали в саван, оплакивали, а тушу смазывали маслом и т. п. [Рахно 2016, с. 99]. Изображения ловчей птицы в руках всадника появляются в регионе только в раннем средневековье через тюркскую традицию (ср. *Смирнов Я.И.* Восточное серебро. СПб.: Имп. Археологическая комиссия, 1909. № 156, 160, 162; рис. 24, 25).

«не на том» правом боку, неудобном для правшей (группы Б, В, Г, З)? Для чего подобные «мелочи» сознательно подчеркивались и предъявлялись тогдашнему зрителю и духам, которым жертвовались комплекты?

Еще один момент, который меня интересует (и который ранее мною бегло отмечался) – это *сходство с иконографией синхронных сарматских каменных статуй из святилищ на плато Устюрт*. И вновь это сходство именно с территориально близкими группами сарматов. Действительно, там в комплексах Байте III, Карамонке, Конай и Кызылуийк мы видим многовитковый браслет на правой руке, многовитковую гривну и приложенную к низу груди – животу руку (ср. тип А). Последняя известна и для сарматских женских изображений [Яценко 2001, с. 104]. Здесь встречены по три вида оружия – меч, кинжалы (или два кинжала) и лук в налучье, реже – три экземпляра клинкового оружия (ср. тип Б), тот же набор вооружения, что и в Сапоговой и округе⁹, подчеркивание единственного элемента воинского костюма – пояса (ср. типы Б, Г)¹⁰. На устюртских воинах во внешнем облике подчеркиваются усы, что иногда видим и на фигурках сапоговского типа (Карино) (рис. 3, 2с), и в единичных случаях в Байте III и Карамонке известны ноги в позе, сходной с т.н. «позой всадника»¹¹ (см. ниже). В обеих традициях выделяются детали груди мужчин, хотя и разными способами (соски – у «сапоговцев», группы мышц – на Устюрте). Перед нами также, как и в Сапоговой, одиночные персонажи, но образующие в святилищах некие продуманные группы (так, в Байте статуи стояли группами по три и более, по склону холма, образуя в целом большую дугу) [Ольховский, Галкин 1990, с. 203].

Интересна еще и такая деталь ряда фигурок, как довольно широко расставленные и согнутые в коленях ноги (типы А, Г), а также ноги, внизу опять сближенные (типы Е, З). При этом в обоих случаях мужчины в одном из двух типов изображены «на цыпочках/на носках» (типы Е, З). Не случайно последних популяризаторы называли «пляшущими человечками». Действительно, это может быть и так называемая поза всадника, иногда встречающаяся в сарматских могилах: так традиционно именуют ее сарматологи

⁹ Сарматская манера крепить кинжал на бедре ремешками, представленная в Сапоговой на фигурках типов А, Б, Г, сохранялась у хантов еще в XX в.

¹⁰ *Онгарулы А., Ольховский В., Астафьев А., Дарменов Р.* Древние святилища Устюрта и Южного Приаралья. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. Рис. 176, 177, 241, 274, 278 и др.

¹¹ Там же. Рис. 232, 233, 239.

(хотя то, что это именно и только имитация позы всадника на коне, доказать нельзя), и поза *для танца* (что более вероятно, учитывая положение «на цыпочках» у персонажей с обоими вариантами расставленных ног, так довольно и широкое представление танца в древнем искусстве самых разных частей планеты). Естественно, возникает вопрос: документированы ли в архаичных культурах иранских и индоиранских народов значимые танцы с кинжалом и прочим оружием? Такие танцы, например, хорошо сохранились у язычников-кафиров (нуристанцев) на Гиндукуше, до конца XIX в. придерживавшиеся древних индоиранских культов. У кафиров танцы с оружием были очень значимы и посвящались богу войны Гишу, причем с кинжалами иногда устраивали ему танцы даже женщины, когда их мужчины были в набеge¹². Вместе с тем в такой богатейшей по находкам древних вотивных фигурок и активно контактировавшей с кочевниками области, как Кавказ, нет ни одного изображения танца с оружием, тем более – с кинжалами (ср. [Брылева 2012]). У раннесредневековых угров известны парциальные фигуры людей с двумя кинжалами, которые держат остриями вверх; это – танцоры в трезубых коронах, причем такие танцы у обских угров бытовали еще недавно [Гемуев и др. 1989, с. 86, 92, 95–97, 105–106]¹³. Последние имеют те же два варианта положения ног, что и в Сапоговой (чаши из Коцкого Городка, из коллекции П.Д. Салтыкова), но, в отличие от них, не танцуют «на цыпочках», и клинки их вынуты из ножен. При этом как и у «гороховских», раннесредневековые танцоры имели иногда гривны и пояса (бляха с Шайтанского Мыса) (ср. [Гемуев и др. 1989, с. 86, 93]).

Несомненно, комплекты фигурок сапоговского типа находились в локальных святилищах с приношениями. Условия нахождения на местности приведенных находок полезно сопоставить с *размещением святилищ* у кочевников. Эти условия в Зауралье разные. Фигурки из Карино найдены на берегу реки; образцы у Сапоговой – у берега небольшого болотца (в прошлом – небольшого озерца), а изображения у пос. Элеватор – на огородах среди леса примерно в 1,5 км от р. Синара [Зуев 1993, с. 96; Таиров, Шапиро 2024, с. 334, 339; рис. 6]. Столь же и более разнообразным было размещение на местности скифских и сарматских одиночных святилищ или их групп без синхронных некрополей¹⁴.

¹² Robertson J.S. The Kafirs of Hindukush. London: Lowrence & Bullen, 1896. P. 621–626.

¹³ Смирнов Я.И. Восточное серебро. № 40, 92

¹⁴ Это верховья оврага (бывший Илурат), мыс среди глубокого оврага (Тасастау I), у излучины большой реки (Трехостровская), на высоком

Итак, мы рассмотрели ряд дополнительных аспектов присутствия иранского (раннесарматского) компонента в культовой металлургической пластике лесостепного Зауралья конца I тысячелетия до н. э. Такой акцент правомерен, учитывая тесные связи местного оседлого населения с соседними номадами.

Источники

- Лукина Н.В.* Мифы, предания, сказки хантов и манси. М.: Наука, 1990. 568 с.
- Онгарулы А., Ольховский В., Астафьев А., Дарменов Р.* Древние святилища Устюрта и Южного Приаралья. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. 320 с.
- Пименов А.Б.* Культовые бронзы зауральских металлургов раннего железного века. Иткульская археологическая культура: каталог. Екатеринбург: Издательские решения, 2019. 638 с.
- Смирнов Я.И.* Восточное серебро. СПб.: Имп. Археологическая комиссия, 1909. 18 с., илл.
- Robertson J.S.* The Kafirs of Hindukush. London: Lowrence & Bullen, 1896. 665 p.

Литература

- Абаев 1981 – *Абаев В.И.* Донстория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности / Ред. М.С. Асимов. М.: Наука, 1981. С. 84–89.
- Брылева 2012 – *Брылева О.А.* Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н. э. – X в. н. э.). М.: Таус, 2012. 424 с.
- Гемуев и др. 1989 – *Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И.* Легенды и были таежного края. Новосибирск: Наука, 1989. 176 с.
- Горячев и др. 2016 – *Горячев А.А., Егорова Т.А., Яценко С.А.* Костяная пластина с гравированной композицией из поселения раннего железного века в верховьях ущелья Турген // Актуальные проблемы археологии Евразии / Ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 632–648.
- Зуев 1993 – *Зуев В.Ю.* Пляшущие человечки Сапоговского клада // Ad Polum: Сборник статей в честь Л.П. Хлобыстина / Ред. Л.П. Грачева. СПб.: Фарн, 1993. С. 95–102.

берегу над рекою (Майдан), у подножья горы (гора Верблюды) и др. [Яценко 2025, с. 22–25]. Для святилищ лесостепного Приуралья с сериями жертвенного клинкового оружия это замкнутая долина с речкой, у подножья или на вершине небольшой возвышенности, при впадении одной реки в другую – на границе поймы и террас [Савельев 2016, с. 247–248].

- Иванов 1970 – *Иванов С.В.* Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л.: Наука, 1970. 296 с.
- Любчанский, Юрин 2019 – *Любчанский И.Э., Юрин В.И.* «Птицеголовые идылы» из фонда Музея археологии и этнографии Челябинского государственного университета и Центра историко-культурного наследия г. Челябинска // Нижневолжский археологический вестник. 2019. Т. 18. № 1. С. 138–148.
- Матвеева 1998 – *Матвеева Н.П.* Социально-экономические структуры древнего населения Западной Сибири (ранний железный век лесостепной и подтаежной зон). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1998.
- Ольховский, Галкин 1990 – *Ольховский В.С., Галкин Л.Л.* Культурный комплекс на Устюрте (предварительное сообщение) // Советская археология. 1990. № 4. С. 196–206.
- Рахно 2016 – *Рахно К.Ю.* Жир и жирные времена: об одном символе в «Слове о полку Игореве» // *Studia Mithologica Slavica*. 2016. Т. 19. С. 93–121.
- Савельев 2016 – *Савельев Н.С.* Мечи и кинжалы в культовой практике кочевников Южного Приуралья скифо-сарматского времени (пространственный анализ «случайных» находок) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии: Материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посв. 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова: Сб. статей / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева. Оренбург: ОГПУ, 2016. С. 241–252.
- Сальников 1949 – *Сальников К.В.* Во глубине веков. Свердловск: ОГИЗ, 1949. 112 с.
- Самашев и др. 2007 – *Самашев З., Кушербаев К., Аманашев Е., Астафьев А.* Сокровища Устюрта и Манкыстау. Алматы: ТОО «Археология», 2007. 400 с.
- Таиров, Шапиро 2024 – *Таиров А.Д., Шапиро А.Д.* Новые антропоморфные фигурки из лесостепного Зауралья // Уфимский археологический вестник. 2024. № 2. С. 333–347.
- Топоров 1975 – *Топоров В.И.* К иранскому влиянию в финно-угорской мифологии // Ученые записки Тартуского университета. 1975. Вып. 455. С. 72–77.
- Яценко 2000 – *Яценко С.А.* Антропоморфные образы в искусстве ираноязычных народов Сарматии II–I вв. до н. э. // *Stratum plus*. 2000. № 4. С. 251–272.
- Яценко 2001 – *Яценко С.А.* Культурные контакты финно-угорских и иранских народов древности (Сапоговский клад как культурно-исторический памятник) // Этнонациональные доминанты в культуре и искусстве народов Урало-Поволжья / Ред. К.М. Климов. Ижевск: Удмуртский университет, 1975. С. 99–114.
- Яценко 2022 – *Яценко С.А.* Боги сарматов // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2022. № S1. С. 143–186.
- Яценко 2025 – *Яценко С.А.* Некоторые особенности святилищ ранних кочевников // Поволжская археология. 2025. № 1. С. 22–34.

References

- Abaev, V.I. (1981), “Prehistory of the Indo-Iranians in the light of the Ario-Uralic language contacts”, Asimov, M.S. (ed.), *Ehtnicheskie problemy istorii Tsentral'noi Azii v drevnosti* [Ethnic Issues of the History of Central Asia in Antiquity], Nauka, Moscow, Soviet Union, pp. 84–89.
- Bryleva, O.A. (2012), *Drevnyaya bronzovaya antropomorfnyaya plastika Kavkaza (XV v. do n.eh. – X v. n.eh.)* [The Ancient Bronze Anthropomorphic Plastics of the Caucasus (15th c. BC – 10th c. AD)], Taus, Moscow, Russia.
- Gemuev, I.N., Sagalaev, A.M. and Soloviev, A.I. (1989), *Legendy i byli taezhnogo kraya* [Legends and Realities of Taiga Forest Region], Nauka, Novosibirsk, Soviet Union.
- Goryachev, A.A., Egorova, T.A. and Yatsenko, S.A. (2016), “A Bone Plate with an Engraved Composition from an Early Iron Age Settlement in the Upper Turgen Gorge”, Baitanaev, B.A. (ed.), *Actual Problems of Eurasian Archaeology*, Proceedings of the International scientific-conf., Institut arkheologii im. A.Kh. Margulana, Almaty, Kazakhstan, pp. 632–648.
- Ivanov, S.V. (1970), *Skul'ptura narodov severa Sibiri XIX – pervoi poloviny XX v.* [Sculpture of the Peoples of Northern Siberia in the 19th and first half of the 20th c.], Nauka, Leningrad, Soviet Union.
- Lyubchansky, I.E. and Yurin, V.I (2019), “ ‘Bird-Headed Idols’ from the Collection of the Museum of Archaeology and Ethnography of the Chelyabinsk State University and the Center for Historical and Cultural Heritage in Chelyabinsk”, *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, vol. 18, no. 1, pp. 138–148.
- Matveeva, N.P. (1998), *Social and Economic Structures of the Ancient Population of Western Siberia (the Early Iron Age of the Forest-Steppe and Sub-Taiga Zones)*, Abstract of D. Sc. Dissertation, Novosibirsk, Russia.
- Olkhovskiy, V.S. and Galkin, L.L. (1990), “The Ritual Complex in Ustyurt (The Preliminary Report)”, *Sovetskaya arkheologiya*, no. 4, pp. 196–206.
- Rakhno, K.Yu. (2016), “Fat and Fat Times. About one Symbol in the ‘Tale of Igor’s Campaign’”, *Studia Mithologica Slavica*, vol. 19, pp. 93–121.
- Saveliev, N.S. (2016), “Swords and daggers in religious practice of southern Urals nomads from scythian-sarmatian time (spatial analysis of ‘accidental’ finds)”, Yablonsky, L.T. and Kraeva, L.A. (eds.), *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy sarmatskoi arkheologii* [Konstantin Fedorovich Smirnov and Contemporary Issues of Sarmatian Archaeology], OGPU, Orenburg, Russia, pp. 241–252.
- Salnikov, K.V. (1949), *Vo glubine vekov* [In the Depths of the Centuries], OGIZ, Sverdlovsk, Soviet Union.
- Samashev, Z., Kuserbaev, K., Amanashev, E. and Astafiev, A. (2007), *Sokrovishcha Ustyurta i Mankystau* [The Treasures of Ustyurt and Mangystau], TOO “Arkheologiya”, Almaty, Kazakhstan.
- Tairov, A.D. and Shapiro, A.D. (2024), “New Anthropomorphic Figurines of the Forest-Steppe Trans-Urals”, *Ufa Archaeological Herald*, vol. 24, no. 2, pp. 333–347.

- Toporov, V.I. (1975), "On the Iranian Influence in Finno-Ugrian Mythology", *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta*, vol. 455, pp. 72–77.
- Yatsenko, S.A. (2001), "Cultural Contacts of the Finno-Ugric and Iranian Peoples of Antiquity (Sapogova Treasure as a Cultural and Historical Object)", Klimov, K.M. (ed.), *Ehnonatsional'nye dominanty v kul'ture i iskusstve narodov Uralo-Povolzh'ya* [The Ethno-National Monuments in the Culture and Art of the Peoples of Urals-Volga Region], Udmurtskii universitet, Izhevsk, Russia, pp. 251–272.
- Zuev, V.Yu. (1993), "The Dancing Men of the Sapogovo Treasure", Gracheva, L.P. (ed.), *Ad Polum. Collection of Articles in Honor of L.P. Khlostybin*, Farn, St. Petersburg, Russia, pp. 95–102.
- Yatsenko, S.A. (2000), "The Antropomorphic Images in the Art of Iranian-Speaking Peoples of Sarmatia in the 2nd–1st cc. BC", *Stratum plus*, no. 4, pp. 251–272.
- Yatsenko, S.A. (2022), "Gods of Sarmatians", *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya*, no. S1, pp. 143–186.
- Yatsenko, S.A. (2025), "Some Features of Sanctuaries of the Early Nomads", *Povolzhskaya arkheologiya*, no. 1, pp. 22–34.

Информация об авторе

Сергей А. Яценко, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; sergey_yatsenko@mail.ru

Information about the author

Sergey A. Yatsenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Square Moscow, Russia, 125047; sergey_yatsenko@mail.ru